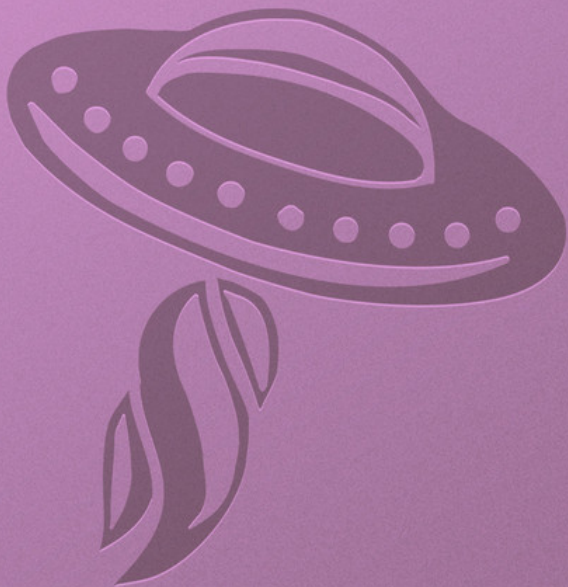

Вадим Панов

Седьмой круг Зандра

*Часть сборника
Зандр (сборник)*

Вадим Юрьевич Панов

Седьмой круг Зандра

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

«Раньше люди называли её Землёй. Просто Землёй, потому что это слово вбирало в себя все возможные смыслы. Потому что оно подходило и для клочка суши посреди безбрежного океана, и для огромной страны, привольно раскинувшейся на два континента, и для планеты, методично нарезающей круги вокруг тёплого жёлтого карлика. Всё это было Землёй – цветущей даже в пустыне и щедрой ко всем. Земля была основой мира и самим миром. Та Земля, которой больше нет...»

Вадим Панов

Седьмой круг Зандра

Раньше люди называли её Землёй. Просто Землёй, потому что это слово вбирало в себя все возможные смыслы. Потому что оно подходило и для клочка суши посреди безбрежного океана, и для огромной страны, привольно раскинувшейся на два континента, и для планеты, методично нарезающей круги вокруг тёплого жёлтого карлика. Всё это было Землёй – цветущей даже в пустыне и щедрой ко всем. Земля была основой мира и самим миром. Та Земля, которой больше нет.

Тот мир сгорел в ярчайшем Времени Света, и слово стало

старым.

Или же людям стало стыдно называть то, во что они превратили свой мир, Землёй. Но как тогда? Новой Землёй? Нельзя, потому что новое должно дарить надежду и ожидание. Страшной Землёй? Честно. Но ещё более стыдно. Ни у кого не повернулся язык обозвать место своего нынешнего обитания так, как оно того заслуживает.

И тогда пришло слово – «Зандр».

Оно имело куда меньше смыслов, чем Земля, но с доскональной точностью определяло то, где выживали помнящие старый мир люди.

Зандр – это камень.

Зандр – это пустыня.

Зандр – это война.

– Карлос! Назад! Назад, сказал!!

– Я их удержу!

Тяжеленный пулемёт раскочегарился до полной невозможности, идёт на мировой рекорд скорострельности, и пули, кажется, нетерпеливо подталкивают одна другую, желая поскорее вырваться на свободу. И добраться до цели. Убить...

Грохот. Неимоверный грохот. В том числе – в эфире, однако ответ Карлоса слышат все. Он остаётся, ибо считает, что так будет правильно.

– Назад, дубина!

– Удержу!

– Фрай! Корыто! Отступать! Карлос прикрывает!

– Мы видим!

Взрыв. Два подряд взрыва, но они проходят мимо парней. Первый – за спинами, с перелётом. Второй снаряд Уроды пустили слишком низко, и он врежется в давным-давно подбитый танк. Рвёт башню, та подскакивает, но невысоко, крутится, словно в недоумении, и врежется в камень справа от Карлоса Флегетона, щедро осыпая его острыми осколками.

– Уходите!

– Уже!

Фрай и Корыто – не дураки, опыта у них полно, сразу поняли, что апостол и прикрывает их, и оттягивает на себя огонь, и рванули назад, к броневику, к последней уцелевшей машине конвоя, автоматическая пушка которого как могла поддерживала оставшегося на линии соприкосновения Карлоса.

– На месте!

– На месте!

Проскочили через пули, гранаты и неуправляемые ракеты, которыми расстреливали отряд Уроды, укрылись за огромным валуном, передохнули и присоединились к отбивающимся друзьям, помогая спастись тому, кто обеспечил им путь к спасению.

– Карлос! – орёт в микрофон Садыков. – Уходи! Твоя очередь, баран! Уходи! Пошёл назад, гад! Назад!

Это была засада.

Засада!

И они попали в неё, как новобранцы. Старые опытные вояки, много чего повидавшие и много чего натворившие, попали, словно кур во щи. Расслабились. Доверились разведывательным дронам, сообщившим, что зона чиста, и расслабились. Забыли, что вокруг – Зандр. Хитрый, беспощадный, злой Зандр, обманщик и предатель... Забыли... И нарвались на труппу Цирка Уродов. Которая почему-то решила не пускать их в Субу. Без предупреждения – просто решила. Это Зандр, здесь бывает. И место для засады Уроды выбрали идеально: справа глубокая расселина, слева скалы, узкая дорога, по которой приехали спецназовцы, здесь расширилась, образуя ровную и довольно большую площадку, и именно на ней разыгралась драма.

Вместо плановой поездки – разгром. Грузовик догорает, танк подбит, два багги получили из гранатомётов, и отбивается только броневик, вокруг которого сгрудились последние бойцы. А не разбили их только потому, что среди влетевших в засаду спецназовцев находились две боевые единицы особой мощности – воины в защитно-стрелковых комплексах «Апостол». Совершенные киберпротезы, композитная броня последнего предвоенного поколения, четырёхствольные пулемёты на электрическом приводе – ЗСК напоминали боевые скафандры из так и не наступившего будущего...

А может – из наступившего. Ведь ЗСК все-таки появились.

И пусть их было крайне мало, зато они могли перевернуть ход любого сражения. Даже катастрофически неудачного.

Апостолы сидели на танке, взрыв сбросил их, но и только – чтобы повредить системы ЗСК, одного лишь полёта на двадцать метров недостаточно, – и пришедшие в себя бойцы немедленно атаковали противника. Дима Крокодил ушёл левее, к скале, помогая отступить разведчикам с разнесённых багги. При этом Крокодил удачно маневрировал за разбросанными повсюду валунами и ухитрился уйти с минимальным количеством прямых попаданий в броню. А вот Флегетону, которому выпало прикрывать танкистов, пришлось выйти на открытое пространство.

– Крокодил! Закрой Карлоса! – Капитан Садыков двигался в броневике, только поэтому остался жив и теперь командовал боем. Пытался командовать: – Крокодил!

– Не надо!

– Почему?!

Но вместо Карлоса ответил водитель броневика:

– Наблюдаю движение по склону! Нас обходят.

Ползущие назад спецназовцы должны были вот-вот выйти из зоны поражения, и засевшим на скале Уродам пришлось идти вперёд.

– Татарин, давай назад! – вышел в эфир Флегетон. – Я прикрою.

Четырёхствольный монстр ударил в скалу, разрывая камни и тела Уродов.

– Карлос, бегом к броневнику!

– Уводи людей!

– Карлос!

Взрыв. Впереди появился танк – Уроды заторопились. Ещё два взрыва. Пушка броневика отвечает, но противостоять 135-мм орудию она не в силах. А там ещё ракеты. И пристрелянные гранатомёты в руках подбирающихся бойцов. И между Цирком и остатками спецназа только апостол.

– Уходите!

Сдаётся даже Крокодил. Понимает, что кто-то должен закрыть собой отступление, и сдаётся. Бурчит в эфире:

«Так надо, Татарин!»

И Садыков соглашается:

«Надо».

И сжимает кулаки в бессильной ярости.

Надо.

Надежда лишь на то, что Карлос не самоубийца, что не останется в огненном аду дольше, чем нужно, успеет... И ещё – что повезёт и мощный ЗСК не будет повреждён и вынесет бойца.

Взрыв, взрыв, пули... Снова взрыв.

Броневик ползёт задом, подставляя Уродам толстую лобовую броню, подальше от огненного мешка, в который их заманили, подальше от смерти... Долго преследовать не бу-

дут – это понимают спецназовцы, это понимают Уроды. К тому же, если остатки колонны пройдут свой километр и вывалятся на бесплодную равнину, роли поменяются: Уродам придется выходить из узкой горловины под огнём жаждущих мести спецназовцев. Цирк этого не хочет и делает всё, чтобы добить колонну.

Взрыв, взрыв, взрыв...

И две главные цели: удаляющийся броневик и мечущийся от валуна к валуну апостол.

ЗСК не только прочный – ЗСК быстрый. С виду громоздкий, но в действительности в нём можно танцевать, и бегать наперегонки, и долго не уставать. Настолько долго, насколько хватит радиотабл. ЗСК разрабатывался для того, чтобы боец провёл на поле боя как можно больше времени, и Флегетон пока поддерживает репутацию производителя.

Флегетон – настоящий мастер, как будто родившийся в ЗСК. И не в каком-нибудь роддоме, а здесь родившийся – на поле боя. Флегетон знает, что нужно делать, куда бежать, когда остановиться и стрелять, а когда укрыться. Он всегда на шаг впереди Цирка. Пока – впереди, но в этом – залог его выживания. Осколки и пули хлещут по броне, но Карлосу везёт – ни одного прямого попадания из чего-нибудь действительно убойного. А пули не заставят его даже споткнуться.

Бросок за валун, схема «ёж» – здоровенный скафандр сворачивается клубком, а дополнительные бронированные щитки автоматически закрывают наиболее уязвимые места, –

взрыв. Мощный. Совсем рядом. Схема «бой», и тяжёлые пули в клочья разрывают двух Уродов. Бросок за следующий валун...

– У тебя получится, – шепчет Садыков. Флегетон не отвечает, но Татарин знает, что услышан. – Беги, брат, беги!

Броневик почти на равнине, они почти спаслись, но Карлос ещё под огнём, который становится злее с каждой секундой – Цирк хочет отомстить тому, кто сорвал его замыслы.

– Беги!.. Не ты!

Но поздно: Крокодил рвёт вперёд, собираясь прикрыть напарника, оттянуть хотя бы часть огня на себя, Крокодил долго держался, понимая, что лучше потерять одного апостола, чем сразу обоих, но теперь плюнул и бежит. Крокодил торопится, но не успевает.

Взрыв.

Флегетону все-таки не повезло: две, а может, и три гранаты сразу. И не просто рядом, а во время прыжка – Карлос пытался выйти из опасной зоны, – в тот самый миг, когда весьма весомая масса ЗСК находилась в воздухе. Взрыв. Один, но их было не меньше двух. Одновременно. И ударная волна легко, как теннисный мячик, забрасывает тяжеленного апостола в расселину.

– Нет!

– Крокодил! Назад!

Второй апостол кричит, но подчиняется. Уроды орут что-то весёлое.

Отряд уходит...

* * *

– Дядя Андрей, а правда, что в Январских Степях реки текут?

– Ага.

– Правда?

– Ага.

– Вы их видели?

– У меня дом на озере стоял, у самой воды, и я каждое утро рыбу ловил: караси, шуки...

– Дядя Андрей! – Поняв, что с ним шутят, Ёшка сделал вид, что обиделся. – Я ведь серьёзно спрашивал.

– Серьёзно – про реки? – Жмых – он сидел справа от Андриухи Агронома – грустно усмехнулся. – Реки теперь только на старых фотографиях.

– И в фильмах, – вздохнул Андрей.

– И там.

Они расположились на броне головного танка, взрослые – потому что имели право, Ёшка – потому что повезло, и вели неспешный разговор, разгоняя скуку долгого похода. Все трое – в обычной «сбруе Зандра»: высокие ботинки, плотные комбинезоны и разгрузки со снаряжением. Пистолеты в кобурах и штурмовые винтовки рядом, на тёплой броне – это Зандр, здесь живые никогда не расстаются с оружи-

ем, если не хотят стать мёртвыми.

Тактическая сбрюя делала их похожими, однако Агроном выделялся поведением: самый спокойный, уверенный, чуть вальяжный – настоящий командир. А вот внешне – невзрачный: ростом едва повыше Ёшки, абсолютно не бойцовского телосложения, ни тебе широких плеч, ни огромных кулаков, волосы рыжие, редкие, лицо простецкое – нос картошкой, маленькие зелёные глаза, на такого посмотришь – и отвернёшься. Но не отворачивались: смотрели, слушали и подчинялись.

– А я верю, что всё поправится, – неожиданно произнёс Ёшка. – Не может быть, чтобы Зандр остался навсегда. Земля должна вернуться. Должна.

Получилось эмоционально, немного наивно, по-детски, но искренне. Удалось «зацепить» мужиков и на некоторое время погрузить их в задумчивое молчание, которое нарушил командир:

– Земля крепко обиделась.

– Или мы её убили.

Агроном сплюнул, помолчал и только потом ответил на последнюю фразу Жмыха:

– Я знаю, что ты, скорее всего, прав, но верить хочу в то, что говорит пацан.

– Все хотят, – буркнул Жмых. И отвернулся.

Ёшка же, сообразив, что взрослые, прекрасно помнящие чудесный старый мир с его реками, озёрами, лесами, пля-

жами, дождями, под которыми можно без опаски гулять... Другими словами, Ёшка понял, что мужики восприняли тему слишком болезненно, и прикусил язык. И мысленно обругал себя за то, что едва всё не испортил.

До сих пор Ёшка, так же как все остальные подростки, только помогал взрослым в военных делах: стоял в караулах, ходил в ближнюю разведку, проверяя, чтобы поблизости от города не появилось чужих наблюдательных пунктов или схронов – Ёшка обладал прекрасной фотографической памятью и отлично лазал по скалам. Остальное время посвящал обычной работе по хозяйству, поскольку детство в Зандре заканчивалось в двенадцать, а то и раньше. Работал, не отлынивал, однако мечтал, конечно, о военных подвигах, тренировался каждую свободную минуту, и усилия не пропали даром.

В прошлом году, когда Остополь окружила орда диких венотов, Ёшка отстреливался наравне с мужиками и завалил двух дикарей – доказано. А месяц назад завалил ещё одного врага – вооружённого до зубов водососа, охранявшего грабившую их слей станцию, и успехи Ёшки не остались незамеченными: Андриуха Агроном взял энергичного паренька в настоящий поход – присмотреться всерьёз. Ёшка это понимал и от того дёргался. И дёрганье его передавалось на язык, который молот невесть что.

Особенно паренька заставлял нервничать тот факт, что Агроном был в Заовражье фигурой не просто уважае-

мой, а легендарной, и считался кем-то вроде министра обороны, умело управляя местным ополчением. Именно Андрюха со своими ребятами вырезал кровавую банду Гончаренко, положив начало свободному Заовражью, а после заманил в ловушку и перебил падальщиков Зирташа, которые поспешили в область в надежде занять место неудачливого предшественника. И заняли. Рядом легли.

Две подряд победы наглядно продемонстрировали подонкам Зандра, что с Агрономом – несмотря на его мирную, сугубо сельскохозяйственную кличку – лучше не связываться, и обитатели Заовражья погрузились в необычайно спокойную – по меркам Зандра, разумеется, – жизнь. Дружили с соседями, периодически отбивались от диких веномов, папаш и блуждающих падальщиков, истребили аттракцион, возникший было на перевале к плато Могила, но...

Но с недавних пор Заовражью стал угрожать иной враг. Тот, которого невозможно запугать молниеносными победами.

– Воды в Январских Степях больше, чем у нас, но рек нет, – неожиданно продолжил Андрюха, и Ёшка обратился в слух. – В Зандре нет рек, а все рассказы – выдумка. – В своё время, до того, как вернуться и осесть в родном Заовражье, Агроному пришлось побродить по нынешней Земле, и потому его авторитет в знаниях современных реалий был непрекаем так же, как в военных делах. Среди местных, конечно, но Ёшке и этого хватало. – Люди хотят верить, что где-то

хорошо, вот и придумывают Нетронутые острова или реки в далёких степях.

– Или специально врут, – добавил Жмых.

– Или врут, – согласился Андрюха. – Но не всегда со зла или ради выгоды. Иногда они врут, потому что мечтают.

– Все хотят попасть на Нетронутые острова. Все верят, что где-то Земля не обратилась в Зандр, а люди не пережили весь тот ужас, который выпал на нашу долю.

– Вы тоже верите? – тихо спросил Ёшка.

Ответа не последовало, и паренек понял, что снова коснулся личного.

Зандр суров, особенно он беспощаден к одиночкам, и потому люди сбиваются в стаи, банды или общины. Помогают друг другу, делятся оружием и боеприпасами, водой, пищей, семенами, лекарствами, наркотиками, праздниками и проблемами – делятся всем. И потому мечты в Зандре остаются единственным личным. Возможно, все желают одного и того же, но не хотят делиться сокровенным, оставляя его – хотя бы его! – себе.

– В Январских Степях вода залегаёт выше, чем у нас, и поэтому там в некоторых местах растёт трава, – вернулся Андрюха к старой теме. Просто для того, чтобы не обрывать разговор. Андрюха прекрасно понимал, почему дёргается парнишка, и решил его поддержать. – Отсюда и слухи о реках.

– А на воду ползут Сады, – мрачно, словно выплюнул,

уточнил Жмых.

– Всё бы тебе портить, – поморщился Агроном.

– Я просто напомнил.

– Знаю, что просто... – Андрюха поправил очки-консервы, защищающие глаза от пыли, сплюнул и повторил: – Знаю...

И быстро оглянулся, проверяя, все ли в строю.

Вышедшая из Остополя колонна состояла из девяти машин, и её главной ударной силой являлись два тяжёлых огне-мётных танка «Папа Карло», оружием которых были не только пусковые установки термобарических ракет – мощных, однако дорогих и потому редких, – но и огне-мётные установки старинного типа, созданные заовражскими умельцами. Из-за них и дополнительных баков со смесью «Папы» стали походить на «Выпекатели» сборников, но заовражцев это не смущало. За танками шли две цистерны со смесью, цистерна с отравой и бронированный грузовик со взводом ополченцев, а прикрывали отряд два бронетранспортёра, оснащённые автоматическими пушками. Впереди пылил багги разведчиков.

– Сады любят воду? – поинтересовался Ёшка, дождавшись, когда Агроном закончит осмотр колонны.

– Воду любят все, – хмыкнул Жмых. – Даже ты.

– Ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь отказался от глотка, – поддержал товарища Андрюха и протянул Ёшке флягу.

Паренёк сделал большой глоток, однако о вопросе не за-

был:

– Я серьёзно.

– А если серьёзно, то Сады нуждаются в воде, – подтвердил Андрюха. – Они в любой дряни жить могут, легко переносят высокий радиационный фон, но без воды погибают. И поэтому лучший способ их остановить – высушить на пути все водоносные слои. Только полностью высушить, до капли.

– Как водососы?

– Ага.

– А как же огонь? – Ёшка с уважением посмотрел на второго «Папу», который шёл за их машиной.

– Огонь на третьем месте, – объяснил Агроном. – Если Сады сели на водяной пласт, их надо травить химией. Она действует медленно, но надёжно, убивает джунгли напроць. А огонь до корней не добирается, огонь хорош, когда нужно резко остановить разогнавшиеся Сады. Тогда его время.

– Последнее средство, – добавил Жмых.

– Ага.

– Пацаны говорили, что Сады всю Субу сожрали, – осторожно произнёс Ёшка, внимательно наблюдая за мимикой взрослых собеседников – не засмеются ли? – Так?

Не засмеялись. И это был плохой знак.

– В Субе, кажется, всё дерьмово, – помолчав, признал Андрюха. – Они дотовцев позвали, Спецназ разведывательный отряд выслал, но чем всё закончилось, я не знаю. Возможно,

нам придется отсюда в Субу ехать.

– Если Сады Субу сожрут, нам хреново придётся, – хмыкнул Жмых.

– Не каркай. – Агроном снова сплюнул: разговор спасал от скуки, но проклятая пыль настырно лезла в рот. – Для начала надо узнать, что у Дорохова случилось.

– Дорохов у самого хребта сидит, если к нему и правда джунгли пришли, значит, Сады выплеснулись из Субы.

– Для этого мы здесь, – пожал плечами Андрюха. – Будем разбираться.

Ядерная война беспощадно обошлась с Землёй: расчертила шрамами, запятнала язвами, убила тех, до кого смогла дотянуться, и поменяла всё. Абсолютно всё. Другая власть, другие законы, другие цели и даже другая география. Мир отразился во вспышке ядерного взрыва и таким остался – новым. И злым.

Наступило время тех, кто умеет выживать.

И никто не удивился тому, что быстрее всех к новым условиям приспособились растения. И стали они такими же, как мир: новыми и злыми.

В уцелевших лесах и рощах стал появляться ядовитый плющ, за ним – синие розы, аромат которых вызывал галлюцинации, чёрный подорожник, оставляющий некрозные язвы, полосатые лианы, отрывающие кожу с мясом, вьющаяся сирень с шипами, плотоядная ольха, а самое главное –

непривычные деревья: твёрдые, крепкие, не очень высокие, но с мощной корневой системой, которая, казалось, сплеталась под землёй в единое целое.

Ядовитые растения погубили множество жизней, но постепенно люди стали осторожнее, научились укрываться от них... И заметили, что «старым» растениям не нравится соседство с «новыми». Сохранившиеся в Зандре деревья, кусты и трава выталкивали злых сородичей из своей экосистемы, а там, где не справлялись они, приходила на помощь химия: опрыскивание ослабляло новую флору, и «старые» растения с удовольствием её добивали.

Именно поэтому заовражцы больше рассчитывали не на грозные и красивые «Папы Карло», способные за двадцать минут испелить небольшой городок, а на купленную у дотовцев «Потраву», представляющую собой химический завод средней тяжести, способный залить ядовитой субстанцией огромную территорию. Действовала «Потрава» неспешно, но результат гарантировала...

– Дядя Андрей, а вы Садовников видели? – Ёшка впервые ехал «чистить джунгли», и он, не удовлетворившись стандартным инструктажем и теми подробностями, что давали на занятиях, решил лично расспросить ветеранов.

– Видел, – кивнул Агроном.

– Правда?

– Я ведь в Субу ходил, когда там только-только Сады по-

явились, – напомнил Андрюха. – А где Сады – там и Садовники.

– Я четверых завалил, – вставил свое слово хмурый Жмых. – Нормально онидохнут, только надёжней всего в башку попасть надо.

Уточнение, хоть и корявое, не выглядело лишним, однако паренька интересовало другое:

– И какие они?

– В смысле?

– Вообще.

Жмых усмехнулся, но ответил так, как понял:

– Отвратные: кожа в струпьях, серо-зелёно-коричневая, даже камуфляж не нужен... Лица неприятные, без мимики вообще, как неживые... И незаживающие язвы по всему телу.

– Вроде тех, что у веномов?

– Почти. Только веномы – больные, их язвы в могилу гонят, а Садовники – здоровые. Ну, по-своему, конечно, но здоровые.

– Говорят, язвы им полосатые лианы оставляют, – поддержал Жмыха Андрюха. – Втыкаются в тело и оставляют.

– И кровь высасывают? – уточнил Ёшка, припомнив ходящую среди подростков страшилку.

– Полосатые лианы у нормальных людей кровь сосут, – ответил Агроном. – А Садовники от них кормятся. Говорят.

– От людей?

– От лиан.

– Вы видели?

– Нет.

– Но верите?

– Дотовцы говорили, – пожал плечами Андрюха. – А дотовцам в таких делах верить можно.

– Ты, главное, вот что запомни, парень: Садовники – не люди. – Жмых произнёс фразу очень серьёзно и даже кивнул, укрепляя свои слова. – Они похожи на больных, на несчастных, такого увидишь – пожалеешь... Бабы особенно жалеют, которые поглупее. А умные понимают, что Садовники – не люди. И точка. И нельзя с ними рядом жить, потому что не договоришься, потому что им надо, чтобы везде цвели Сады Безумия. А нам, при таком раскладе, два пути остаётся: или в Садовники, или в пищу для полосатых.

– Значит, это не ложь? Мы можем превратиться в Садовников? – Неподдельный испуг в голосе Ёшки заставил Агронома и Жмыха переглянуться, после чего Андрюха кивнул:

– Дотовцы говорят, что Садовники – пережившие трансформацию люди. Что кто-то изобрёл способ выживать в дерьме Зандра: жрать грязную пищу, не обращать внимания на радиацию и химические дожди, и единственное, что им требуется...

– Вода, – закончил за командира Ёшка.

– Верно: вода.

– Вода нужна всем...

Паренёк с удовольствием продолжил бы увлекательный разговор – с самим Агрономом! На равных! – но запищала рация, и разведчики с багги – а они не только шли впереди, но и управляли дроном – доложили то, что основному отряду вскоре предстояло увидеть.

– Там плохо, – коротко сообщил Андрюха.

– Совсем? – угрюмо осведомился Жмых.

– Совсем.

А ещё через пару минут колонна поднялась на холм, и у Ёшки перехватило дыхание: долина, открывшаяся перед ними, была охвачена сине-зелёным пламенем наступающих Садов. Они, казалось, были повсюду, ползли от самого хребта, что перекрывал горизонт, и почти замкнули кольцо вокруг большой фермы Дорохова.

– Ой, – прошептал паренёк.

А Жмых не удержался от грубого ругательства.

* * *

«У нас отняли прошлое. Безвозвратно. Наше настоящее, нашу жизнь – превратили в ад. Нас заставили выживать. Нас заставили умирать. Нас заставили убивать... Они надеялись, что мы превратимся в кровожадных зверей. Забудем, кто мы. Забудем Добро и Справедливость, забудем всё, что делает нас людьми.

У них почти получилось.

Зандр полон жестокости и насилия. Волки ходят по нему, алкая мяса и крови. Сострадание названо слабостью, а убийство – доблестью. Палачи правят покорными, диктуя им волю, а не закон. Вакханалия Смерти отнимает последнее, что у нас осталось, – будущее.

И если мы хотим, чтобы над Землёй взошёл рассвет, мы должны вернуть людям Добро и Справедливость. Не веру в них, не надежду, что они придут, а Добро и Справедливость сейчас!

Своим примером. Своим словом. Крепкой рукой...»
(Книга Рассвета)

Вас когда-нибудь клали в гроб? А закапывали после? А перед этим связывали? А смирительную рубашку пробовали? Хотите испытать эти удивительные ощущения? В таком случае – добро пожаловать в отключённый ЗСК. А для полноты восприятия попросите положить вас на солнцепёк. Как Флегетона, например. Которому на самом деле удивительно повезло: он свалился в расселину во второй половине дня, и жаркое солнце вцепилось в него только утром, но вцепилось по-настоящему, тяжело, как перламутровый клещ из Зоны Радужного Гноя. Броня нагрелась молниеносно, и Карлос должен был свариться вкрутую, однако «Апостол» был разработан на совесть и не позволил оператору содохнуть. Датчики системы жизнеобеспечения дублировались трижды, сама она представляла полностью автономный

контур, умела принимать решения, исходя из совокупности факторов, и потому не ограничилась стандартным вопросом: «Желаете покинуть ЗСК?» – а начала действовать, поскольку отсутствие ответа означало необходимость немедленной активизации механизма аварийной эвакуации. Умный процессор привёл в действие броневые щитки, освободил тело оператора от захватов и сделал укол стимулятора, здраво рассудив, что лишним он не будет.

И не стал: Флегетон открыл глаза и выругался.

– Грёбанный Цирк!

Система промолчала: она не была настроена на ведение осмысленных диалогов.

Карлос выругался ещё раз, со стоном поднял руку – болело всё, не только рука, но рука, как показалось в тот момент, болела особенно, – прикрыл глаза от солнца, полежал немного, поднялся, сплюнул, чтобы избавиться от противного привкуса, потёр онемевшую щёку, пощупал руку, убедился, что переломов нет, пощупал рёбра, расстегнул комбинезон, поморщился, разглядывая синяки на боках, поднял голову, прикидывая глубину расселины, и присвистнул, выразив лёгкое удивление тем, что остался жив.

Слева торчало несколько острых камней, и доведись Карлосу рухнуть на них, от перелома позвоночника его не спас бы даже «Апостол». Но он рухнул рядом, на ровную площадку, и выжил.

– Утро, значит, – без особого восторга пробормотал

Флегетон, сориентировавшись по солнцу. – Немудрено, что жрать охота.

Рюкзак остался в сгоревшем грузовике, но в ЗСК были спрятаны тубик с синтетикой и фляга, так что пару дней протянуть можно. А если не шиковать, то до пяти суток – проверено. Карлосу доводилось оказываться в передрыгах и похуже, поэтому происходящее он воспринял с философским спокойствием.

– Будем откровенны: не так плохо, как показалось изначально.

Но этот вывод относился только к нему самому. А сделав его, Флегетон нацепил на голову мятую панаму – она ждала своего часа в кармане – и приступил к осмотру ЗСК.

Легче всего падение пережил пулемёт: его не заклинило, стволы не погнулись, механизм цел. Однако без электричества оружие представляло собой всего лишь красивую, грозную на вид железяку и помочь Карлосу не могло. Рация не подавала признаков жизни, а поскольку сеть в Заовражье легла ещё три дня назад, связаться со своими Флегетон не мог ни с её помощью, ни по телефону, который... который...

– Чтоб тебя на бутерброд намазало!

...который тоже оказался разбитым.

Карлос укоризненно оглядел провинившееся устройство, но выбрасывать не стал, вернул в карман – возможно, его удастся починить, – после чего запустил спянную с жиз-

необеспечением систему самодиагностики и несколько минут ждал новостей. Но они оказались настолько неутешительными, что лучше бы система промолчала: механических повреждений немного, они не опасны, однако крепко сбоит главный силовой контур, а это уже беда.

Серьёзная беда.

Простые обитатели Зандра делятся на две категории. Те, которые разбираются в особенностях военного снаряжения совсем слабо, искренне считают ЗСК «Апостол» продвинутым комплексом, построенным по принципу «скафандр-экзоскелет». Остальные предпочитают сравнивать его с роботизированными устройствами, предполагая «Апостол» чем-то вроде облегченного кригера. Истина же, как это часто бывает, лежала примерно посередине: разработчики уникального ЗСК задались целью взять самое лучшее и от быстрых, удобных в управлении боевых скафандров, и от тяжёлых роботов – и у них получилось. За счёт скорости «Апостол» превосходно противостоял кригерам, за счёт мощи без труда справлялся с обладателями лёгких экзоскелетов, образуя свой собственный класс боевого снаряжения.

Однако сейчас бронекостюм ничем не мог помочь оператору: каскад микрогервов Таля, обеспечивающий полноценное движение механических частей, не давал устойчивого питания, и двести с лишним килограммов брони и технологий лежали перед Карлосом унылым грузом.

– И что мне делать теперь?

Починить самостоятельно не удастся: нужен опытный механик, работающий в паре с грамотным программмером. Нужен город. До ближайшего – дня три-четыре, если пешком. Тащить на себе ЗСК невозможно, отсюда вопрос: удастся ли уговорить механика съездить к чёрту на рога и достать «Апостола» из расселины? А если удастся, то сколько это будет стоить? А самое главное – где взять деньги?

Разумеется, в городе он попытается связаться с дотовцами, но с этим тоже не всё понятно. Отряд Уродов явно ждал Спецназ, засада была устроена профессионально, в весьма удачном месте, и окажись дотовцы одни, без поддержки апостолов, они бы все там и легли. Отсюда ещё один вопрос: за кого заовражцы? Если они снюхались с Цирком, то в Остополе его ждёт смерть.

– В любом случае мне больше некуда идти.

И в этом – правда.

Единственный вариант: идти в Остополь, осторожно выяснить настроения местных, при возможности связаться со Спецназом, но главное – как-нибудь починить ЗСК.

Карлос вздохнул, потратил пятнадцать минут, заваливая «Апостол» камнями, и направился по дну расселины на юг.

* * *

– Скорее!

– Сам знаю!

– Дорохов проспал!

– Вижу!

– Скорее!!

Проспал!!

Не рассчитал скорость разогнавшихся джунглей или не заметил, что Садовники пустили сине-зелёные насаждения с флангов – теперь не важно. Теперь значение имеет только то, что ферма уже в кольце – просто неопытный Ёшка не разглядел этого сразу – и надеяться Дорохов мог только на Агронома.

– С богом, парни! Покажем тварям, чья это земля!

Люки плотно задраены, поверх обычной одежды – плотные и душные комбинезоны из тонкого пластика, перчатки и маски на случай, если ядовитый сок проникнет внутрь; давление в ёмкостях боевое, и «Папы» плавно подходят к проклятым джунглям. Агроном оценил, что Сады ещё не встали, не укоренились как следует, превратившись в настоящую стену, возвышающуюся на мощном, практически неубиваемом корневом фундаменте, кольцо слабое, а значит, нет пока необходимости расходовать дорогие термобарические ракеты, и работу возьмут на себя жидкостные огнемёты, не столь эффективные, зато дешёвые.

Первая фаза – прорыв. Танки идут рядом, секторы обстрела пересекаются на сорок два процента, но так надо – сейчас необходимо разомкнуть сине-зелёное кольцо, выжечь в нём просеку, через которую будет проведена эвакуация, потому

что в первую очередь заовражцы спасают своих. Разогнавшиеся Сады двигаются быстро, их сила – в мощных корнях, способных выращивать лианы за секунды, а небольшие деревца – за минуты, и потому необходимо не только снести уже поднявшиеся заросли, но и запечь поверхность в стекло, не позволяя корням опомниться слишком быстро. И потому «Папы Карло» идут рядом, перехлестывая секторы обстрела, собираясь создать на грубой груди Зандра настолько горячее пятно, насколько это вообще возможно с помощью огнеопасной химии.

– Борода? – вопросительно рычит в рацию Андрюха.

– Готов, – отзывается командир второго танка.

– Огонь.

Не образно, а в самом что ни на есть прямом смысле слова.

Точнее – приказа.

– Огонь!

И ёмкости, установленные по бортам «Карло», начинают выплёвывать жуткую смесь. Раскалённые потоки летят на сто – сто пятьдесят метров, врезаются в сине-зелёные заросли, прилипают к ним и жгут, жадно поглощая всё, что способно гореть. Перепрыгивая с ветки на ветку, с кустов на траву и обратно... И джунгли, которые только что стояли несокрушимой стеной, начинают подаваться. И кричать...

– Это они? – изумляется Ёшка, разобрав сквозь лязг танковых внутренностей странный стонущий вой.

Ему не отвечают, все слишком заняты боем, и паренёк по-

нимает сам – они. Сине-зелёные заросли рыдают от невыносимой боли. А может – от ненависти. И выстреливают в приближающиеся танки полосатыми лианами с хищными накопечниками и чёрными плодами, распадающимися в вонючую слизь, способную проедать металл. Но броня держит.

– Сколько ещё?

– Минуты три.

– Хорошо.

В месте прорыва Сады ещё тонкие – метров пятьдесят, не больше, – не загустевшие сплетением ветвей и толстыми стволами, сразу видно – джунгли молодые, и удар заовражцев не только успешен, но и быстр. Танки прожигают коридор, не истратив и десятой части запаса, но не уходят, повторно запекают поверхность и лишь затем разворачиваются в разные стороны и начинают выжигать кольцо в надежде спасти не только людей, но и ферму.

– Зяма!

– Понял!

Один из бронетранспортёров разгоняется и, успешно проскочив коридор, мчится к ферме. А второй внезапно открывает по джунглям огонь из пушки.

– Зачем?!

В следующий миг Ёшка вспоминает, что отвечать мужикам некогда, а ещё через мгновение слышит:

– Садовника засекли, – говорит Агроном, не отрываясь от перископа. – В огне они теряют осторожность, и наши их

бьют. Там ещё и снайперы работают.

– Без Садовников джунгли не разгоняются, – объяснил Жмых. – Раста – растут, но как самые обычные – медленно. Чем меньше Садовников, тем лучше.

И чем больше химии, тем тоже лучше.

Пока танкисты готовили эвакуацию семейства Дорохова, техники распаковали «Потраву» в рабочий режим и занялись джунглями по-своему. Машина медленно ползла в ста метрах от линии Сада и аккуратно, дозированно распыляла на него ядовитое содержимое цистерны. И там, где она прошла, яркая синяя зелень тускнела, словно припорошённая пылью. Умрёт она не скоро, часов через шесть-восемь, но умрёт точно, да к тому же вместе с корнями.

А быстрый Зяма уже ухитрился добраться до фермы. Броневи́к встал у самого дома, и Ёшка, которому повезло завладеть резервным перископом, увидел бегущих к нему людей: женщин, детей и нескольких мужчин. Все – в прозрачных пластиковых комбинезонах поверх одежд и в масках. Недалеко от них разорвались два чёрных плода, полетели грязные брызги, но то ли не долетели, то ли комбинезоны защитили – никто из Дороховых не сбился, не упал, все добежали до распахнутых люков и укрылись внутри машины. Броневи́к резко развернулся и припустил к прорыву.

– Мы побеждаем?

– Похоже, – отрывисто буркнул Жмых.

В действительности им крепко повезло: Садовники разо-

гнали джунгли в надежде одним рывком окружить ферму и взять всю семью. Судя по всему, ускоренный рост сине-зеленых зарослей шёл всю ночь, и сейчас у них не было сил противостоять атаке заовражцев.

– Думаю, Дорохов не проспал. – У Андрюхи было время осмотреться и оценить обстановку, и теперь он неспешно делился с экипажем наблюдениями. – Он подал сигнал сразу, как только увидел джунгли, но в них скопилось очень много Садовников, и за ночь они круто разогнались... Знали, что мы придём, и хотели взять не меньше половины долины. Поэтому торопились. Поэтому не стали давить ферму, а пустили фланговые ростки.

– Но не успели, – уточнил Жмых.

– Ага. – Агроном взялся за рацию. – Зяма, высади Дорохова и марш стрелять Садовников! Химики! Готовьтесь заправлять танки! Первым пойдет Борода.

– Хочешь очистить всю долину?

– Мы обязаны очистить всю долину, – жёстко ответил Андрюха. – Здесь богатый водяной слой, и мы не имеем права отдавать его Садовникам.

Тринадцать месяцев назад

– Я слышал, Бог проклял Зандр.

– За что?

– За то, что Зандр – не Земля.

Сначала ответом стала тишина, необходимая для обду-

мывания услышанного, затем – слова:

– Это заблуждение, сын мой. Зандр – это Земля сегодня, он не взялся из ниоткуда и не был сотворён специально. Он плоть от плоти того, что было вчера. Он результат того, что было вчера.

– Бог не создавал Зандр, это дело рук людей. Мы испортили то, что было создано Богом. Мы создали проклятую Землю.

– Дано ли тебе знать замысел Божий, сын мой?

– Когда я был маленьким, я любил строить песочные крепости. И мне очень не нравилось, если кто-нибудь ломал их. Или перестраивал по-своему.

– Теперь ты сравниваешь себя с Господом?

– Я пытаюсь объяснить мотивы...

– Ты приписал Ему действие, а теперь пытаешься найти мотив? Мотив к тому, что ты придумал? Тебе не кажется, что некая самонадеянность...

– Чёрт! – Карлос вскочил и быстро прошёлся – почти пробежался! – по маленькой и низенькой комнате. Из конца в конец три раза. – Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Ему не хватало слов, потому что привычные, которыми он уже всё для себя определил, подверглись насмешливому сомнению, доказательства оказались несостоятельными, требовалось что-то новое, а для нового нужны слова.

Которые пока не находились.

– Зачем ты меня мучаешь, старик? Ведь ты прекрасно

всё понимаешь и, наверно, в душе соглашаешься со мной. Бог дал нам прекрасный мир, а мы превратили его в ад, и потому он проклял Зандр. И проклял нас.

– Послушай себя, сын мой, послушай и устраишься.

– Ты хотел сказать: устыдись? – Карлос остановился и вздохнул. Его широкие плечи опустились устало, словно после тяжёлого труда. – Я должен устыдиться своей слабости? Своего неверия?

– Я сказал именно то, что хотел: ты должен устрашиться слов своих, Флегетон. Говоря о проклятии, ты пытаешься переложить на Бога грехи людей, пытаешься сказать, хоть и не понимая того, что Зандр сам, и всё в нём творимое, есть воля Божья. Ты хочешь сказать, что все ужасы Зандра происходят от проклятия, а не потому что люди это делают. Сами.

– Я знаю, на что способны люди, – глухо сказал Карлос. – Насмотрелся.

– И далеко не все они верят в того Бога, к которому обращаешься ты.

– Не все.

На некоторое время в комнате установилась тишина, не тяжёлая и не гнетущая – просто тишина, в которой люди думали. И нарушил её Карлос:

– Раньше мир был добрее, – произнёс он, словно подводя итог их разговору.

Но Матвей не согласился:

– Зандр создали те люди, что были раньше, – с грустью произнёс он, разрушая вывод, который Флегетон считал аксиомой. – Зандр получился из мира, который, как ты говоришь, был добрее. Добрые люди сотворили нынешний мир, сын мой.

– То есть ты тоже веришь в проклятие? – насторожился Карлос. – Только считаешь, что оно достигло нас намного раньше?

– Не считаю, – качнул головой Матвей. – Я лишь указываю тебе на ошибку в умозаключениях. Я напоминаю, что Зандр стал порождением мира, о котором ты тоскуешь.

– Не мира, а людей. Мир пострадал.

– Людям тоже досталось.

– Доведись все переиграть, никто бы не совершил такую ошибку.

– Об этом ты можешь только гадать.

– Ты не веришь в людей?

– Верю. – Матвей грустно улыбнулся. – Верю, что страшное испытание сделает их другими.

– Страшными?

Старик с печалью посмотрел на горячего собеседника, потеревил верёвочку, что опоясывала грубую черную рясу, и вздохнул:

– А вот ты в людей не веришь.

– Я знаю, на что они способны.

– Ты об этом говорил.

– И ты не убедил меня насчёт проклятия. – Флегетон уселся на колченогий стул и колюче посмотрел на Матвея. Флегетон наконец-то подготовил новые аргументы и был уверен, что сможет доказать свою точку зрения: – Бог проклял нас после Времени Света. За то, что оно было – Время Света. Люди его устроили и за это прокляты. И теперь они на наших глазах становятся зверьми.

– Все? – кротко поинтересовался монах.

– Нет, – после короткой паузы ответил Карлос.

– Кого же не коснулось проклятие?

– Мы оба знаем, что в Зандре встречаются существа праведники.

– Они есть, – подтвердил Матвей. – Только они не праведники, а обычные, по меркам прошлого, люди: добрые, участливые, сострадательные.

– Проклятия не существует?

– Я думаю, нет нужды сваливать свои ошибки и преступления на Бога. Так мы замыкаем круг лжи и обрекаем себя на постоянное повторение зла. Нужно набраться храбрости и признать, что всё вокруг – творение рук человеческих. А если не признаем – будет хуже.

– Что может быть хуже Зандра? – усмехнулся Флегетон.

– Много чего, – пожал плечами Матвей. – Представь Зандр, в котором победили сборники. Или Зандр, в котором

все поверили в проклятие. Или...

– Я понял, – перебил монаха Карлос. И извиняющимся тоном закончил: – Ты прав: есть кое-что похуже того Зандра, который мы знаем...

Зандр зол.

Зандр зол и подл, и иногда кажется, что он действительно проклят. Но даже в нём, безжизненном и беспощадном, оставались места, которые называли святыми. Или считали святыми. Или необычными. Или удивительными.

Даже в Зандре были места, которые признавали самые конченые падлы – признавали особенными и старались не трогать. А поскольку падлы не могли не грабить, не насиловать и не убивать, то эти места они обходили стороной.

Часовня Трёх Мёртвых Святых.

Крест Большой Головы.

Два Колокола.

И ещё одно – Церковь-На-Огне: полуразрушенное здание, чудом уцелевшее во время извержения возникшего неподалеку вулкана Пионер. Потoki лавы прошли тогда справа и слева от побитого землетрясением храма, проложили себе русло в обход и никогда из него не выходили, а извержений со Времени Света было целых три. Не выходили, словно подземный огонь проникся уважением к белому храму с погибшей колокольней. Будто не посмел тронуть освящённое

здание, у которого остался один-единственный купол с гордым крестом.

Или же не смог тронуть.

Лава не разрушила церковь, не приблизилась к ней, но и люди старались держаться подальше, напуганные соседством с непредсказуемым вулканом, и некоторое время здание оставалось пустым, подвластное ветрам Зандра и злым слезам его химических дождей. По всему выходило, что церковь должна была сгнуться в забвении новой и страшной Земли, но не случилось – на неё набрёл Матвей Дурак: седой, одинокий, с неизвестным прошлым старик, назвавшийся странствующим монахом. И сказавший, что дом Божий, устоявший во время катастрофы, отмечен особо и должен быть возрожден. И поселился при храме один.

Вот тогда-то, кстати, старик и обрёл свою кличку, а до того просто звался Матвеем.

Он жил в подвале, а кормился с малюсеньких посадок, которые помогли обустроить сердобольные соседи. Ни о чём не просил. Никого не звал. Никому не отказывал в утешении и разговоре.

Его считали сумасшедшим.

К нему приезжали из самых отдалённых областей. За разговором, за утешением, за тем, чтобы просто посмотреть на человека, продолжающего верить. После Времени Света. Пережившего ужасающее становление Зандра.

Видевшего всё, что творят люди.

И потому к Матвею пришел Карлос, когда стало совсем невозможно, и всё, что раньше было просто, доступно и совершенно понятно, потребовало переосмысления. Когда получилось так, что жизнь стала другой и он сам стал другим.

– Но допустим... Допустим хотя бы на секунду, что ты прав, Флегетон, допустим, Бог проклял людей. Что теперь? Какое будущее ты видишь? Только тьму?

– Выжить в Зандре трудно...

– И иногда кажется, что быть зверем – проще, – кивнул Матвей. – Сытнее. Безопаснее. Стаи сильны, легко находят пищу, отнимая её у тех, кто слабее.

– Если все станут зверьми, мы не выживем, – негромко произнес Карлос. Он понял, к чему ведёт старик, и улыбнулся – в душе, – сохранив серьёзный тон. – Звери не способны построить общество, звери ищут выгоду, а общество основывается на поддержке и уважении.

– Какой же выход, сын мой?

– В нас много зла, но нужно стараться... стремиться к добру. – Прозвучало немного пафосно, довольно размыто, поэтому Флегетон попробовал конкретизировать: – Хотя бы для своих, но к добру. Пусть люди учатся поддерживать, а не пожирать друг друга, хотя бы в одном поселении. Потом они научатся делать добро чужакам. А потом...

– Потом Бог нас простит?

– Потом мы снова станем людьми, – медленно ответил Карлос.

– Ты хорошо сказал, Флегетон, – одобрил Матвей.

– От тебя заразился.

Но старый монах не поддержал шутку, которой Карлос планировал закончить разговор. Матвей качнул головой и мягко продолжил:

– Ты готов делать добро, Флегетон, а это важно. Ведь если каждый из нас сделает в жизни хоть одно хорошее дело, количество добра увеличится, и мир... Мир улыбнётся нам, Флегетон – я верю. Ведь мы и есть мир, и только мы сможем вновь научить его улыбаться.

– Этого можно добиться добром?

– Этого можно добиться только добром.

– Да. – Карлос кивнул и машинально приложил правую руку к нагрудному карману, нащупал через ткань маленькую книгу в чёрном переплете и тихо, но очень уверенно закончил: – Ты прав – только добром. Но добро можно делать по-разному.

* * *

Зандр знает тысячу способов убить тебя. Потому что он тебя ненавидит. Потому что ты – один из тех, кто создал Зандр, и теперь он тебе мстит. И не надо говорить, что ты – маленький человек, от которого ничего не зависит. Занд-

ру плевать. Ты – человек, и этого достаточно. Ты виноват. И Зандр сделает всё, чтобы тебя убить. Тебя может сожрать каменная липучка – достаточно прислониться не к тому валуну. Тебя может разорвать на куски одна из сотен тварей, что появились после Времени Света. Тебя ждут банды падальщиков, Садовники, дикие веномы, Уроды, жрущие, сборники и прочие люди, жаждущие твоей смерти в силу ненависти, подлости, религиозных воззрений или просто так.

В конце концов, тебя могут прикончить солнце или жажда.

Зандр знает тысячу способов убить тебя. И иногда противостоять ему способно только везение. И Флегетону повезло. Даже дважды повезло: сначала он отыскал пологий спуск в расселину – через него к ЗСК можно было бы подъехать на лёгком багги и не мучиться с подъёмом комплекса, а затем на него наткнулись местные. Ну, не сразу, конечно, наткнулись – пришлось прошагать четыре часа под палящим солнцем, но главное – он встретил людей на колёсах, и они – люди – не оказались врагами.

А колесами им служил дешёвый и простенький – не бронированный и не вооружённый пикап – стандартное средство передвижение фермеров. Местами ржавый, дребезжащий, но вполне пригодный для коротких путешествий по Зандру. Ехали в машине трое: бородатый толстяк за рулём и два молодых парня в кузове, которые сразу же, как толь-

ко бородач повернул пикап к одинокому путнику, направили на Флегетона автоматы. Но голос не подавали: разговор, не покидая остановившейся машины, вёл водитель.

– Привет, – негромко произнёс толстяк, разглядывая Карлоса через опущенное стекло.

– Мир вам.

– Конечно, мир, раз ты не вооружён.

– Не вооружён и не опасен.

– Ну, для этого ты должен быть мёртвым.

Бородач шутил только наполовину, поскольку в Зандре опасны все, а особенно тот, кто выглядит подчёркнуто миролюбиво. Одинокий невооружённый путник мог оказаться наживкой, брошенной на дорогу бандой падальщиков, однако крупных валунов, за которыми можно было устроить полноценную засаду, поблизости не наблюдалось, и это слегка успокаивало владельцев потрёпанного фургона. Но бдительности они не теряли.

– Тебя ограбили?

– Если бы ограбили, то убили бы, – пожал плечами Флегетон.

Жизнь в Зандре стоит дёшево.

– И то верно, – согласился бородач. – Кто ты и что случилось, невезука?

– Меня зовут Карлос, я топтун.

– Откуда?

– Из Башмаков.

Легенду Флегетон продумал задолго до встречи с фермерами и потому отвечал довольно бойко. Что же касается выбора «родины», то на Башмаках апостол решил остановиться не просто так: этот довольно большой поселок находился в четырёх сотнях километров к северу, и вероятность того, что обычные обитатели Заовражья часто в него навещаются, стремилась к нулю. Это обстоятельство позволяло избежать ненужных расспросов или обвинений в неточности. О Башмаках можно было врать так же нагло, как о Северном полюсе.

– Далеко тебя занесло, – всё ещё с подозрением произнес бородач.

– Бизнес, – развёл руками Флегетон. – Я думал в Субе торговать, там хорошо железо компьютерное брали, а у меня запас после прошлой ярмарки...

– Здесь не Суба.

– Я к тому и веду: ехал в Субу, но увидел Уродов и решил не соваться. Поехал в Заовражье, но ночью не справился и уронил фургон в расселину...

Безжизненная полоса, разделяющая Субу и Заовражье, действительно была испещрена расселинами и оврагами разной степени опасности, и ситуации, подобные описанной Карлосом, редкими не считались.

Что же касается местных, то у них эти истории вызывали исключительно недоумение:

– Чего же ночью поехал по незнакомой дороге, невезука

Карлос?

– От Уродов уходил.

– С пониманием, – поразмыслив, согласился бородач. –

А чего без напарника?

– Я всегда без напарника. Карлос-одиночка, неужели не слышали?

– Не слышали.

– Я у вас редко бываю.

– Чего тогда спрашиваешь?

– А вдруг?

Фермеры заулыбались, и Флегетон понял, что ему удалось правильно построить разговор.

– Чего делать собираешься, неvezука Карлос? – почти дружелюбно осведомился бородач.

– Мне бы до города добраться, – просительным тоном поведал апостол. – Мастер нужен, чтобы фургон достать и починить.

– В Остополь шёл?

– Вы тоже туда? – наострил уши Флегетон.

– Не туда. – Водитель покачал головой. – Но тебе повезло, неvezука: в Пешкино ремы заглянули. Вчера вечером встали...

– Ремы?! – О такой удаче можно было только мечтать.

– К ним едем.

– Меня возьмёте?

– А деньги на проезд у тебя есть?

– Э-э...

Это был самый тонкий момент разговора: деньги у Карло-са были, хоть и не так много, как положено иметь топтуну, однако тратить их он не хотел.

– Ты же торгош! У тебя в поясе должны быть запрятана сотня радиотабл!

– Вы фермеры или падлы?

– Не волнуйся, невезука, – фермеры. – Похоже, бородач окончательно расслабился и решил просто помочь топтуну, которому ещё предстояли расходы на ремонт. – Прыгай в кузов, доставим тебя к ремам в лучшем виде.

– Спасибо!

– А деньги отдашь как-нибудь, невезука... Или подвезёшь кого.

– Договорились!

* * *

– Не буду я покупать новый!

– Почему? – удивился молоденький программер.

– Проще старый починить, – коротко ответил фермер.

На его прагматичный взгляд, настолько логичное заявление не требовало ни дополнительных пояснений, ни – тем более – возражений. Однако программер попробовал оказать сопротивление здоровой крестьянской упёртости.

– И сколько он у вас протянет?

– До сих пор работал, – отрезал фермер. И весомо добавил: – С самого Времени Света, между прочим.

– Но теперь глючит.

– Вот и скажи почему?

– Потому что... – Программер нахмурился, натянул на правый глаз лупу и вновь углубился в чрево бытового системного блока, призванного управлять повседневными делами фермы: учитывать воду, электричество, расход кормов, удобрений и контролировать прочие расходы, забавные для непосвящённого и жизненно важные для владельца беспокойного хозяйства. В действительности программмер уже понял, что не так со старой машиной, но, будучи человеком жадным, попытался вместо мелкого ремонта задорого втюхать покупателю аналогичный агрегат, купленный за гроши в соседней области. Однако пятиминутное сражение завершилось ничем, фермер показал, что лучше уйдёт к другому рему, чем переплатит за новый компьютер, и программмер сдался. – Есть у меня подозрение насчет вот этой хитрой платы...

– Она дорогая?

– Не очень.

– Починить можно?

– Только менять. – На самом деле починить было можно, и программмер её починит по дороге к следующей ярмарке, но говорить об этом фермеру не имело никакого коммерческого интереса.

– Сколько?

– Вместе с работой – четыре радиотаблы.

– Одна.

– Я не оправдаю даже время, которое на тебя потратил.

– Тогда закрой кожух – я пошёл.

– Э-э... – Программер вежливо улыбнулся и посмотрел на подошедшего к лавке Карлоса: – Чем могу помочь?

– Он занят, – желчно сообщил фермер, недружелюбно глядя на мешающего посетителя. – В очередь.

– Сеть есть? – негромко спросил Флегетон. – Нужна связь с соседними областями. Я заплачу.

– Лежит, – коротко ответил рем.

– Четыре дня уже лежит, – добавил фермер. – Ты уходишь?

– Да. – Карлос улыбнулся и медленно пошёл дальше. А за его спиной потихоньку умолкал торг: «Четыре, не меньше! Одна! Три! Сойдемся на двух...»

Мегатраки – грандиозные грузовики бронекаравапов – служили своим хозяевам не только жильём и транспортом: выставленные кольцом, они превращались в крепость, внутри которой гильдеры чувствовали себя намного спокойнее, чем в городе, будучи со всех сторон окружёнными его мирными обитателями. Ведь Зандр жесток, в нём каждый способен на удар в спину – эту истину люди усвоили и давно, и хорошо.

Но караван баши Цунюка не мог превратиться ни в крепость, ни даже в жалкий форт – в него входило всего два мегатрака, однако разместиться им всё равно пришлось в чистом поле, поскольку улочки подавляющего большинства современных поселений не могли принять огромные машины. А улочки Пешкино – и подавно. Этот затерянный на краю Заовражья городишко крайне редко принимал ярмарки гильдеров – обыкновенно торговцы спешили в столицу области, и потому явление бронекаравана ремов стало для его обитателей настоящим Событием, которое станут обсуждать несколько ближайших месяцев. И не важно, что к ним прибыло всего два мегатрака с куцей группой сопровождения, не важно, что это всего лишь ремы, интересующиеся исключительно техникой. Не важно! Значение имело только то, что в Пешкино открылась ярмарка!

И все пешкинцы готовили хвастливые письма соседям. Готовили, потому что сеть лежала, и связаться даже с Остополем не было никакой возможности. Сие обстоятельство несколько омрачало Событие, но не могло его испортить.

Ярмарка!

Настоящая!

Что же касается баши пришедшего в заовражскую глухомань бронекаравана – это был Цунюк по прозвищу Банкир. Выглядел жалко: худенький, лысенький, в очках с толстыми линзами, с торчащими ушами и, что самое противное, с торчащими из-под тонких губ зубами. По виду получалось,

что баши давно должен был обрести кличку Кролик и служить мелкой сошкой при важных людях, но Цунюк каким-то образом ухитрился свести дружбу с зигенами, получил покровительство, выгодно торговал с их форпостами на краю Пустыни Пше и тем держался. Что же касается клички Кролик, то она, разумеется, попыталась к Банкиру прилипнуть, но Цунюк, как все слабаки, был мстительным и злопамятным, беспощадно вытравливал из окружающих даже намеки на прозвище, которое считал постыдным, и добился того, что теперь его так никто не звал. В лицо.

А вот за узенькой спиной никто Цунюка иначе и не определял.

– Колымага, – резюмировал баши, закончив осмотр фургона. – Даже на запчасти не возьму.

Караван Банкира был небольшим, поэтому баши сам частенько общался с клиентами, не забывая при этом сообщить подчинённым, что демонстрирует им «настоящую» деловую хватку.

– Я и не хочу его продавать, – буркнул владелец древней машины. – У него что-то не то с мотором.

– Не с мотором, а с силовой установкой.

На компактные ядерные агрегаты вся Земля перешла задолго до Времени Света, однако никакое иное название, кроме «мотор» и «двигло», для машин не прижилось, и к тем, кто пытался использовать правильные названия устройств, относились в лучшем случае с юмором.

- Может, ты мне ещё расскажешь, как правильно называется дырка, в которую я радиотаблы пихаю? – окрысился дед.
- Здесь нет табл, твоя колымага на радиоболах катается.
- Такой умный, а линзы в глаза вставить не можешь.
- Заткнись.

В обычных случаях баши считались людьми авторитетными, общались исключительно с хозяевами городов и наиболее важными клиентами, следили за ярмаркой из собственной палатки и считали деньги. Но Кролик, он же – Банкир, и выглядел мелко, и торговлей сам промышлял, как заурядный лавочник, а потому на уровень небожителя не тянул, и в общении с ним местные частенько скатывались на тон, совершенно невозможный ни с одним другим караванным головой.

- Вякнешь ещё хоть слово – выгоню к чертям с ярмарки, и будешь ждать следующего каравана.

Фермер цокнул языком, выражая свое подлинное отношение к собеседнику, но промолчал, давая понять, что в сотрудничестве заинтересован.

- Мои парни могут продиагностировать твое двигло. Время – час. Денег – десять радиотабл. Если не найдём причину проблемы, берём только половину. Ремонт – как получится.

– Я могу дать только пять радиотабл, найдёте вы проблему или нет.

- Чёрт с тобой. Гони колымагу на стенд. – Кролик махнул рукой, указывая направление, и повернулся к Карлосу: –

А тебе что? Чего ошиваешься с пустыми руками?

– Не ошиваюсь, а жду, когда ты освободишься.

– Считаю, дождался.

– Вижу.

Ремя не были торговцами в полном смысле этого слова – механики, программеры, оружейники, химики и прочие спецы, они странствовали по Зандру и занимались исключительно техникой: ремонтировали, продавали, обменивали... В их караванах в обязательном порядке присутствовали специалисты по любому оборудованию – с этой точки зрения Флегетону повезло. Однако ремя, в отличие от оседлых мастеров, общались со всеми обитателями Зандра, и кто знает, какие договоренности существуют у Кролика с тем Цирком, который разгромил отряд Спецназа?

С третьей стороны, варианты у Флегетона отсутствовали.

– Мне нужна помощь.

– А мне нужны деньги, – тут же среагировал Цунюк. – Золото или радиотаблы. Если ничего нет – проваливай.

– Мы договоримся, – пообещал Флегетон.

– Каким образом?

– Сначала я хочу знать, есть ли у тебя нужный спец?

– Область?

– Каскадные цепи микрогермов. У меня полетел силовой контур.

– Что за оборудование? – насторожился баши.

– ЗСК.

– Модель?

– «Апостол».

– Ты – апостол?

– А что, не похож?

– Да плевать мне, на кого ты похож, – опомнился Кролик, молниеносно стряхнув с себя изумление. – Просто если выяснится, что ЗСК не твой, а я помог, – мне придется ответить на пару неприятных вопросов. – Он улыбнулся и почесал за ухом: – Да и то вряд ли.

– Тогда что тебя беспокоит?

– Ничего.

– У тебя есть нужные спеццы?

– Только по контуру?

– Не откажусь от диагностики. У меня множественные боевые повреждения, но слабые – пули и осколки, плюс падение с сорока метров.

– Знатно тебя потрянуло, – оценил Банкир. – Имя свое помнишь?

– Только первую и шестую буквы. Специалисты есть?

– Разумеется, есть. Ты не первый апостол, который ко мне обращается. – Кролик блеснул стёклами очков. – Деньги у тебя есть?

– Я ведь сказал – договоримся.

– Как именно? Хочешь подрядиться ко мне на службу?

Иногда апостолы сопровождали караваны – заполучить такого охранника считалось необыкновенной удачей, однако

Карлос сразу дал понять, что этот вариант не рассматривается:

– За меня заплатят дотовцы.

– У тебя с ними контракт?

– Да.

– Тогда почему ты один?

– Мы расстались во время боя, – без особой охоты поведал Флегетон. – А теперь лежит сеть, и я не могу ни с кем связаться.

Он не хотел раскрывать все подробности, но Кролик был опытным человеком, умел довольствоваться минимумом информации и прекрасно понял произошедшее.

– Где ЗСК?

– Километров пятьдесят отсюда, на границе с Субой.

– То есть тебе нужен багги?

– Лучше пикап.

– У меня есть надёжный грузовой багги, который запросто увезёт твоё железо.

– Хорошо.

– И с тобой поедут мои парни, – для чего-то добавил Цунюк, хотя даже младенец понимал, что Зандр не то место, в котором можно доверить первому встречному хорошую машину. – Заодно помогут погрузить.

– Ты действительно поверишь мне на слово? – удивился Карлос.

– У меня будет твой ЗСК. – Кролик улыбнулся, полностью

обнажив выступающие передние зубы. – Если Спецназ откажется платить, я его заберу.

– Спецназ не откажется.

– Посмотрим.

* * *

В том бою Ёшка так никого и не убил. Мечтал, конечно, очень уж хотелось вернуться в Остополь не просто участником похода, но героем, лично отправившим на тот свет пару-тройку Садовников, но не сбылось. Седьмому номеру экипажа отличиться тяжело, его дело маленькое: сиди за спинами взрослых да исполняй мелкие поручения, стараясь не запутаться в сложных приборах «Папы Карло». Седьмой – он ученик, который «нюхает порох» и только готовится стать танкистом. Седьмой – это будущий защитник Заовражья.

А героями стали парни из броневика Лешего: они вели машину вслед за медленно ползущей «Потравой» и отстреливали паникующих Садовников. Кого из пушки уложили, кого из пулемёта, а кого-то достал снайпер. В едва сомкнувшемся кольце джунглей оказалось на удивление много коричневых обитателей, видимо, готовились снова разгонять Сады в атаку, и большая их часть полегла под пулями и снарядами Лешего. Тела, разумеется, сгорели, но несколько Садовников, спасаясь от пожара и яда, выскочили из леса, на-

шли свою смерть на камнях Зандра, и когда всё закончилось, когда джунгли огнём и отравой были отброшены за Гребёнку, Ёшка испросил разрешения сбегать поглазеть, получил его и отправился «на прогулку» вместе с Лешим, проявившим понятный интерес к результатам команды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.